

© 2011 г. Е.А. ПШЕХОТСКАЯ

ГРАММАТИКА РУССКОГО АППЛИКАТИВА

В работе исследуется ряд семантико-синтаксических свойств русских конструкций с косвенным дативным дополнением, не субкатегоризованным глаголом (конструкции с аппликативом). Конструкции анализируются с точки зрения взаиморасположения глагольных аргументов в иерархически организованной синтаксической структуре (рассматриваются свидетельства связывания, эффект превосходства, сфера действия кванторов и прочее) и с точки зрения их семантических свойств (отношения посессивности между аргументами). Обнаруживается противопоставление применимых и приглагольных аппликативов, являющееся критическим для представленного анализа и для существующих теорий аппликативизации.

ВВЕДЕНИЕ

Грамматические свойства косвенного дативного дополнения глагола в языках мира – одна из наиболее противоречивых и слабо изученных в литературе областей семантики и синтаксиса. С одной стороны, понятие трехместного глагола, непосредственно связанного с одним из видов конструкций с косвенным дативом, известно еще со времен классических грамматик. С другой стороны, межъязыковое разнообразие семантико-синтаксических свойств конструкций с косвенным дативом до сих пор не позволяет исследователям создать общую объяснительную теорию дативного дополнения.

На сегодняшний день мы обладаем довольно обширными знаниями о семантических свойствах конструкций с дативным дополнением. К примеру, хорошо изучена семантика специфических отношений между прямым дополнением и косвенным дативом, возникающих, например, в русском языке. Так, в работах А.Е. Кибрика [Кибрик 2000] представлен функционально-ориентированный взгляд на семантику обладания, засвидетельствованную в так называемых конструкциях с внешним посессором, ср. (1):

- (1) а. Он поцеловал ей руку / у нее руку¹ [Кибрик 2000].
б. Он поцеловал ее в губы.
- (2) а. После представления Капур встал за кулисами на колени перед клоуном и поцеловал ему руку.
б. Таня поцеловала Василису в темечко, покрытое черным платком.

В работах Кибрика и его соавторов [Кибрик 2003: 307; 2000; Кибрик и др. 2004; Брыкина 2005], а также в [Апресян 1995] предполагается, что в (1) «происходит расщепление исходной семантической валентности предиката, заполненной генитивной группой». В основе обеих конструкций лежит абстрактное отношение когнитивной сопряженности, связывающее два концепта онтологически (по природе вещей) или ситуационно (в конкретной актуализованной ситуации). Экстрапонируемый посессор при этом выражается дативом или локативной предложной группой, ср. (1а). Доступность синтаксических альтернатив, подобных (1), предполагают авторы, целиком управляет-

¹ Основной источник примеров в этой статье – Национальный корпус русского языка. Исключения составляют отрицательные языковые данные, а также примеры, приводимые в литературе. Некоторые примеры были адаптированы, исходя из соображений экономии.

ся степенью когнитивной сопряженности, имеющейся между посессором и посессумом (дом с крышей, девочка с косичками, поцеловать Машу в руку и др.).

Само апеллирование исследователей к таким понятиям, как «природа вещей» и «актуализованная ситуация» говорит о том, что правила, по которым интерпретируются русские конструкции с посессором, основаны на онтологических связях между объектами внешнего мира (часть тела, принадлежность, собственность и т. д.), или, в терминах ряда работ по лексической семантике [Grimshaw 1990; 1993; Jackendoff 1990; Levin, Rappaport Hovav 1998; 2003; 2005; Ramchand 2003; 2008], на энциклопедических знаниях.

Кроме этого, исследования последних трех десятилетий позволили объяснить значительное количество семантико-синтаксических свойств конструкций с дативным дополнением. Так, одна из возможных семантико-прагматических типологий этих конструкций представлена в [Рахилина 1982]. Эта работа посвящена отношению принадлежности и способам его выражения в русском языке. Автор показывает, что способ оформления факультативного участника ситуации может зависеть от глагольной лексики и фиксируется в словаре. Далее в результате изучения грамматических ограничений на эту конструкцию выделяется четыре класса глаголов, не допускающих дательный посессивный: глаголы психической каузации, адресации, восприятия и приобретения. Этот труд, несомненно, находится в том же ряду исследований, что и следующая за ним впечатляющая по масштабу лексико-типологическая монография [Levin 1993] (раздел «Object Alternations»), а также исследования творческого коллектива проекта «Лексикограф» [Кустова и др. 1993; Падучева, Розина 1993; Кустова, Падучева 1994; Падучева 2002; 2004], в которых содержатся важнейшие обобщения о семантике и синтаксисе глагола и глагольной группы в русском языке.

Имеющееся многообразие наблюдений над семантико-синтаксическими свойствами конструкций с дативным дополнением позволяют сформулировать новые вопросы, находящиеся на следующем уровне теоретической абстракции. Существует ли общая синтаксическая позиция для косвенного датива в языках мира? Если нет, то каковы ограничения на межъязыковое варьирование в этом отношении? Является ли синтаксическая позиция косвенного датива постоянной (одинаковой во всех предложениях) в рамках одного языка (например, русского)? И если нет – как объяснить соответствующую вариативность в синтаксических и/или формально-семантических терминах? Этим вопросам посвящена настоящая статья.

Дальнейшее обсуждение будет основано на последовательном разделении субкатегоризованного датива (участника ситуации, существование которого предполагается семантикой ситуации, обозначаемой глаголом; например, *дать, послать, сказать* в значении не ‘произнести’, а ‘адресовать высказывание’) и несубкатегоризованного (факультативного с точки зрения семантики ситуации: *построить, сварить, разрушить*). Как следствие, несубкатегоризованный датив не является обязательным актантом в конкретной предикации. При этом, как правило², субкатегоризованный датив является обязательным актантом.

Первый тип дативного дополнения будем называть (собственно) **дативом**, а соответствующие предложения – **дативными конструкциями**. Второй тип дативного дополнения будем называть **аппликативом**, а соответствующие предложения – **аппликативной конструкцией**.

Следующие примеры иллюстрируют различия между дативом и аппликативом.

- (3) а. Электронное письмо за пару секунд приходит в другое полушарие, Web-камера мгновенно *покажет* жителю Москвы обстановку на оживленном лондонском перекрестке.
(Датив)

² Исключения составляют предложения, в которых эти аргументы опускаются по прагматическим причинам («дискурсивные нули»). Пример анонимного рецензента – *Он ничего не сказал (ей)*.

- б. Он – материализованное отражение мечты В.П. Грошева «*дать ребятам профессиональное образование и развить их художественный вкус и способности до уровня, позволяющего создавать настоящие произведения искусства*». (Датив)
- (4) а. *Иван показал достопримечательности.
- б. *Иван дал книгу.
- (5) а. Он страдает, когда Таисия делает то, что обязан делать мужчина. Он наслаждается, выгребая в ее доме золу из печки. *Вскопал ей грядки* – и радость была полная, счастье было! (Аппликатив)
- б. *Руки гостям моет* официантка-узбечка. (Аппликатив)

В этой работе будет выявлен набор семантико-синтаксических свойств, характеризующий глаголы, допускающие и не допускающие аппликатив, а также на основе сравнения аппликативной и дативной конструкции будет предложен анализ глагольной группы для конструкций обоих типов.

Во втором разделе статьи обсуждается типологически ориентированная теория аппликатива Л. Пюльккянен и ее применимость к русскому языку. В третьем разделе обобщения Пюльккянен будут переформулированы с учетом данных русского языка, а также будет представлен анализ семантико-синтаксических свойств двух типов русских аппликативных конструкций – приименного и приглагольного аппликатива. В заключении будут суммированы основные результаты и выводы.

1. ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ ПЕРСПЕКТИВА: АППЛИКАТИВ В РАЗНОСТРУКТУРНЫХ ЯЗЫКАХ

Масштабное исследование аппликативизации глагольной основы в типологической перспективе предпринимается в работе [Pylkkänen 2002; 2008]. Л. Пюльккянен подразделяет аппликативные аргументы в языках мира на два типа в зависимости от их синтаксической позиции: «высокие» (*high applicatives*), вводимые специальной функциональной вершиной Appl, присоединяющей глагольную группу VP, и «низкие» (*low applicatives*), для которых Appl располагается внутри глагольной группы и присоединяет прямое дополнение. Рассмотрим два типа аппликативных аргументов на примерах из языка чага (высокий аппликатив, из [Bresnan, Moshi 1993: 49–50], цит. по [Pylkkänen 2000: 404]) и из английского языка (низкий аппликатив).

- (6) a. N-ā-ī-lyi-i-à; mika kélya.
FOC-3SG-PRES-есть-APPL-FV жена сда
'Он ест [еду] своей жене (=для своей жены)'
б. Pete ploughed him the field.
'Пит вспахал ему поле'

Важное отличие между примерами (6а) и (6б) состоит в том, что в последнем, но не в первом предполагается наличие отношения обладания между дативным участником и объектом: в (6б) имеется пресуппозиция 'поле принадлежит ему (дативному участнику)', при этом пресуппозиция 'еда принадлежит жене' в (6а) отсутствует.

Автор предлагает объяснение этих фактов в терминах структуры события.

1.1. АППЛИКАТИВ И СТРУКТУРА СОБЫТИЯ

В формальной семантике при описании значения предложения традиционно используются переменные и константы определенных типов [Montague 1970; 1973; Partee 1976] – индивиды (тип *e* от *entity* ‘сущность’), истинностные значения (тип *t* от *truth values* ‘истинностные значения’), временные интервалы (тип *i* от *intervals* ‘интервалы’) и интенциональные миры (тип *w* от *worlds* ‘мир’). Д. Давидсон [Davidson 1967] впервые предложил использовать дополнительный тип сущностей *s* (от *situation* ‘ситуация’) для

обозначения ситуаций, или **событий**³, – таких же, с точки зрения исследователя, далее не разложимых и ни к чему не сводимых сущностей, как, скажем, индивид или истинностное значение. Тогда все предикаты получают дополнительный аргумент – событие, а все сирконстанты выражаются двухместными предикатами, которые присоединяются при помощи конъюнкции. Таким образом, формализация значения («логическая форма», по Давидсону) предложения *Вася ест бутерброд вечером на кухне* выглядит следующим образом:

(7) $\exists e[\text{есть}(e)(\text{Вася})(\text{бутерброд}) \wedge \text{где}(e)(\text{кухня}) \wedge \text{когда}(e)(\text{вечером})]$

Последователи Давидсона ([Castañeda 1967; Parsons 1990] и др.) предложили учесть в этой системе разнообразие тематических ролей, лексикализуемых глаголом. Было предложено сделать все «смысловые» глагольные предикаты одноместными (теперь они просто свойства событий), а глагольные актанты и сирконстанты вводить отдельными конъюнктами.

(8) $\exists e[\text{есть}(e) \wedge \text{агенси}(e)(\text{Вася}) \wedge \text{тема}(e)(\text{бутерброд}) \wedge \text{где}(e)(\text{кухня}) \wedge \text{когда}(e)(\text{вечером})]$

Таким образом, различия между актантами и сирконстантами в этом представлении исчезли. Позднее в работах А. Кратцер [Kratzer 1994; 1996] будет предложен «третий путь» – совместить обе логические традиции и благодаря этому отличать лексические аргументы глагола (те, которые специфицированы в словарном входе глагольной основы) и нелексические – те, которые возникают в результате семантического-синтаксических преобразований. В качестве прототипического примера нелексического аргумента Кратцер приводит внешний аргумент (субъект) глагола. С учетом гипотез Кратцер получаем следующую логическую форму:

(9) $\exists e[\text{есть}(e)(\text{бутерброд}) \wedge \text{агенси}(e)(\text{Вася}) \wedge \text{где}(e)(\text{кухня}) \wedge \text{когда}(e)(\text{вечером})]$

Одно из важных следствий обобщений Кратцер состоит в том, что нелексические аргументы принципиально не могут напрямую находиться в каких бы то ни было семантических отношениях с другими аргументами предложения: как видно из (9), нелексические аргументы и сирконстанты находятся только в отношениях (тематических и нетематических соответственно) с событийным аргументом. Все лексические аргументы, напротив, связаны между собой глагольным предикатом.

Теперь вернемся к (6). Опираясь на обобщения Кратцер, Пюльккянен предлагает анализировать датив в (6б) как лексический аргумент. Именно из-за того, что в английском языке возникает «прямое» семантическое отношение между аргументами (т. е. такое, которое не вовлекает событийный аргумент), необходимо допустить, что дативный участник в (6б) является аргументом глагольного предиката наряду с прямым дополнением *field* ‘поле’.

В (6а), напротив, отсутствуют прямые семантические отношения между аргументами, и, чтобы формализовать типологическое отличие языков типа английского и чага, Пюльккянен предлагает считать датив в (6а) нелексическим.

Эти семантические рассуждения, считает исследовательница, имеют прямые следствия для синтаксиса. Для установления прямого семантического отношения между дативом и темой необходимо, чтобы обе именные группы были расположены максимально локально. В этом случае аппликативный аргумент располагается внутри VP – фразовой категории, содержащей все лексические аргументы.

³ Было бы, конечно, логично использовать слово *event* ‘событие’ и, следовательно, сам тип обозначать *e*. Однако исторически это обозначение было прочно занято индивидами. Путаница до сих пор усугубляется тем, что для обозначения событий обычно используются переменные с обозначением *e*, *e*₁, *e*₂, *e*₃, за которым стоит как раз слово *event*. Чтобы разрешить возможную неоднозначность, названия переменных далее набираются курсивом, а их типы – прямым шрифтом.

референтным местоимению *свое*), в то время как семантика предложения предполагает такую связь между *полем* и *Иваном*.

Таким образом, если вершина Appl низкого аппликатива в (6б), показывает Пюльккянен, вводит семантическое отношение между индивидами (отношение обладания), то вершина высокого аппликатива в (6а) вводит отношение между индивидом и событием. Это означает, что для низкого аппликатива необходим индивид, вводимый внутренним аргументом (прямым дополнением), а для высокого аппликатива – нет. Из сказанного следует, что низкие аппликативы совместимы только с переходными глаголами, а высокие – теоретически с любыми.

Поскольку Пюльккянен предполагает, что в языке может быть представлен только один тип аппликативной вершины – высокий или низкий, – она использует переходность как критерий для определения типа этой вершины в произвольном языке.

(12) ОБОБЩЕНИЕ О ПЕРЕХОДНОСТИ:

Если в данном языке непереходные агентивные глаголы допускают аппликативизацию, то в этом языке представлен высокий тип аппликатива, в противном случае – низкий.

Пюльккянен предполагает, что семантика конструкций с низким аппликативом отличается от семантики трехместных глаголов – по крайней мере, от наиболее общепринятой версии анализа трехместных глаголов, так называемого их каузативного анализа [Guéron 1985; Hoekstra 1988; Harley 2000]. Гипотеза, лежащая в его основе, состоит в том, что трехместные глаголы реализуют каузативное отношение между внешним аргументом и малой клаузой '[цель] имеет [тему]'. Иными словами, предложение (13а) означает (13б).

- (13) а. Иван дал Маше книгу.
б. Иван КАУЗИРУЕТ [Машу ИМЕТЬ книгу]

Заметим, что для целого ряда аппликативных конструкций каузативный анализ оказывается затруднительным. К примеру, в отличие от (14а), английское предложение (14б) непротиворечиво:

- (14) а. *John gave Mary a book but she never got it.
'Джон дал Мэри книгу, но она так и не получила ее'
б. John wrote Mary a letter but she never got it.
'Джон написал Мэри письмо, но она так и не получила его'

Это означает, что ни английский глагол *write* 'писать', ни сама аппликативная конструкция в структуре предложения (14б) не имплицируют наступление каузируемого состояния [Мэри ИМЕТЬ письмо]. Пюльккянен предлагает для низкой вершины Appl другой анализ, а именно – представленный в (15).

- (15) $[[\text{Appl}_{\text{LOW}}]] = \lambda x. \lambda y. \lambda f_{\langle e, \langle s, t \rangle \rangle}. \lambda e. [f(e)(x) \wedge \text{Theme}(e)(x) \wedge \text{To-the-possession}(x)(y)]$

Таким образом, низкая аппликативная вершина вводит тематическое отношение для внутреннего аргумента и устанавливает отношение обладания между внутренним и аппликативным аргументом. Для высокой аппликативной вершины предлагается интерпретация, аналогичная интерпретации кратцеровой вершины *v*, соотносящей индивид и событие.

- (16) $[[\text{Appl}_{\text{HIGH}}]] = \lambda x. \lambda e. \text{APPL}(e)(x)$

Тематическое отношение APPL, вводимое этой вершиной, является обобщением над кластером тематических отношений, засвидетельствованных в языках мира с высокими аппликативами: бенефактивный / maleфактивный аппликатив APPL_{BEN} , инструментальный аппликатив $\text{APPL}_{\text{INSTR}}$, локативный аппликатив APPL_{LOC} и др.

Следует отметить, что русский материал в отношении обобщения (12) и рассуждений о семантике обладания ведет себя, на первый взгляд, непоследовательно. С одной стороны, засвидетельствованное в (11) отношение обладания между объектом и аппликативным актантом, а также несочетаемость русских непереходных агентивных глаголов с аппликативным актантом в (17) заставляют предположить, что русский язык относится к языкам с низким типом аппликативной вершины – как и английский.

- (17) а. ?Иван нагадил Петру.
б. *Иван плюнул Петру.
в. *Иван смеется Петру.
г. *Иван постучал Петру.

С другой стороны, следующие группы примеров отчетливо демонстрируют, что, во-первых, отношение обладания между аппликативом и объектом возникает не всегда – ср. (18), – а во-вторых, в некоторых конструкциях непереходные агентивные глаголы вполне сочетаются с аппликативным аргументом – ср. (19).

- (18) а. Иван_i разлил Маше (свои_i) чернила на платье.
б. Они_i подбросили (свою_i) мину во двор следователю.
в. Мы_i принесли ему (свои_i) дары.
г. Магнаты_i гостеприимно открыли ему (свои_i) двери.
- (19) а. У них по дружбе полагается нагадить друг другу на огороде.
б. Саггети прицельно плюнул ему на ботинок.
в. Она смеется ему в лицо.
г. Рудольф постучал ей в дверь.

Таким образом, русский материал в данном случае демонстрирует, что презумпция о том, что в языке может быть представлен только один тип аппликативной вершины, неверна.

1.3. АППЛИКАТИВ И СТАТИВНОСТЬ

Второе важное обобщение, используемое Пюльккянен при определении типа аппликативной вершины, касается определенных свойств семантики глагольной вершины.

(20) ОБОБЩЕНИЕ О ГЛАГОЛЬНОЙ СЕМАНТИКЕ:

Если в данном языке стативные глаголы допускают аппликативизацию, то в этом языке представлен высокий тип аппликатива, в противном случае – низкий.

Как указывает Пюльккянен, семантика низкого аппликатива всегда предполагает изменение в отношении обладания между объектом и аппликативом. Это означает, что стативные глаголы (даже переходные) типа *содержать, предпочитать, знать, осознавать, видеть, заслуживать, иметь, обозначать, понимать* и другие не сочетаются с низким аппликативом. Действительно, русские примеры в (21) неграмматичны, как и их английские эквиваленты.

- (21) а. *Иван видит Маше городские достопримечательности.
б. *Иван хорошо понимает учителю математику.
в. *Коробка содержала Ивану новую книгу о Гарри Поттере.
г. *Иван имеет Маше много денег.

Пюльккянен полагает, что обобщения (12) и (20) коррелируют между собой, и эту корреляцию подтверждают данные, как минимум, английского, японского и корейского языков (низкий аппликатив) и луганды, венды и албанского (высокий аппликатив). Ср. следующие примеры из [Pylkkänen 2008: 20–21]:

- (22) а. *Непереходный агентив* (японский, низкий аппликатив)
 *Taroo-ga Hanako-ni hasit-ta.
 Таро-НОМ Ханako-DAT бежать-PAST
 'Таро убежал от Ханako'
 б. *Статив*
 *Taroo-ga Hanako-ni kanojo-no kaban-o mot-ta.
 Таро-NOM Ханako-DAT она-GEN сумка-ACC держать-PAST
 'Таро подержал Ханako ее сумку'
- (23) а. *Непереходный агентив* (албанский, высокий аппликатив)
 I vgarova.
 он.DAT.CL бегать.1SG
 'Я для него побегал'
 б. *Статив*
 Agimi i mban Drites çanten time.
 Агим.NOM CL держит Дрита.DAT сумка.ACC мой
 'Агим держит мою сумку для Дриты'

Русский язык не подтверждает гипотезу об этой корреляции уже потому, что противоречивые данные в (17–19) вообще не позволяют отнести его к языку с определенным типом аппликативной вершины. Тем не менее, в отношении обсуждаемого обобщения (20) русский язык ведет себя как язык с низкой аппликативной вершиной.

Существует еще одна диагностика, позволяющая определить тип аппликативной вершины в данном языке, ее обсуждение представлено в следующем разделе.

1.4. АППЛИКАТИВ И ВТОРИЧНАЯ ПРЕДИКАЦИЯ

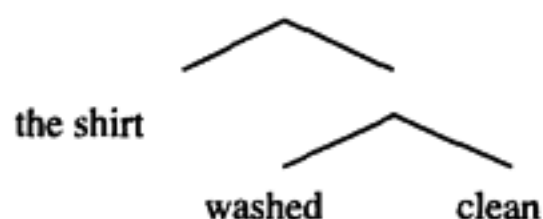
Третье и последнее типологическое обобщение Пюльккянен основывается на наблюдении над сочетаемостью аппликатива с вторичной предикацией. Обратимся к двум группам примеров из [Pylkkänen 2008: 40–41].

- (24) а. *Аппликатив* (английский, низкий аппликатив)
 He painted me this flower.
 'Он раскрасил мне этот цветок'
 б. *Вторичная предикация*
 He painted this flower blue.
 'Он раскрасил этот цветок синим'
 в. (а) + (б)
 *He painted me this flower blue.
 'Он раскрасил мне этот цветок синим'
- (25) а. *Аппликатив* (луганда, высокий аппликатив)
 Mukasa ya-siig-i-dde Katonga ekisenge.
 Мукаса 3SG.PAST-красить-APPL-PAST Катонга стену
 'Мукаса покрасил Катонге стену'
 б. *Вторичная предикация*
 Mukasa ya-siize ekisenge bulu.
 Мукаса 3SG.PAST-красить.PAST стену синий
 'Мукаса покрасил стену в синий цвет'
 в. (а) + (б)
 Mukasa ya-siig-i-dde Katonga ekisenge bulu.
 Мукаса 3SG.PAST-красить-APPL-PAST Катонга стену синий
 'Мукаса покрасил Катонге стену в синий цвет'

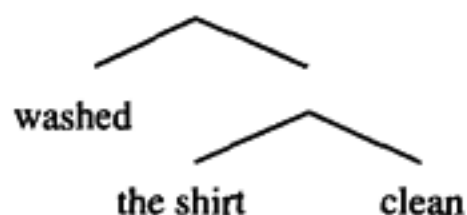
Прежде всего, автор сравнивает две конкурирующие теории вторичной предикации: анализа вторичной предикации как сложного предиката [Marantz 1989; Embick 2004] и малой клаузы [Hoekstra 1988; Kratzer 2005]. На примере английского предложения

(John) washed the shirt clean ‘(Джон) выстирал рубашку дочиста’ можно проиллюстрировать структурные различия между двумя подходами.

(26) Сложный предикат

(27) Малая клауза

В случае (26) прилагательное, характеризующее результирующее состояние объекта, присоединяется непосредственно к глагольной вершине, формируя единый, «сложный» предикат. Семантический тип этого предиката не отличается от семантического типа обычного глагола, и таким образом прямое дополнение присоединяется к новому комплексу, как если бы оно присоединялось к глагольной вершине. В таком случае нет никаких препятствий для вставления вершины Appl в (26) между [washed clean] и [the shirt] и введения низкого аппликативного аргумента. Однако подобная деривация ведет к неграмматичному (24в).

В случае анализа вторичной предикации как малой клаузы в (27) появляется возможность объяснить запрет на сочетание низкого аппликатива и вторичной предикации. В анализе вторичной предикации как малой клаузы прямое дополнение является сестрой вторичного предиката и интерпретируется как аргумент этого предиката: $\lambda x.\text{clean}(x)$ [the shirt] = clean(the shirt). Теперь если в глагольной группе *washed the shirt clean* будет введена вершина Appl, она не сможет соотнести вводимый ею аппликативный аргумент и прямое дополнение – последнее уже «спрятано» в предикацию clean(the shirt), являющуюся интерпретацией малой клаузы.

Таким образом, с точки зрения обсуждаемого параметра русский язык, по-видимому, следует отнести скорее к языкам с высоким аппликативом, ср. следующие примеры:

- (28) а. Мария вернула мне книгу_i испорченной_i.
 б. Прошу вас, сохраните ему сердце_i здоровым_i.
 в. «Сделай клоуну лицо_i веселым_i», – попросил он меня.

2. СЕМАНТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА РУССКИХ АППЛИКАТИВОВ

Суммируем типологические параметры, которые позволяют охарактеризовать тип аппликативной вершины относительно русского материала, представленного в предыдущем разделе.

Серым цветом в таблице 1 обозначена зона значений параметров, которую покрывают данные русского языка. Как описано в предыдущем разделе, эти данные не позволяют дать однозначный ответ на вопросы о сочетаемости аппликатива с непереходными агентивными глаголами и о наличии или отсутствии специфических семантических отношений, имплицитруемых аппликативной конструкцией. Эти два параметра разбивают множество предложений, в которых допустим аппликатив, на два класса, дистрибуция которых требует объяснения. Поэтому именно эти два параметра будут внимательно рассмотрены в следующих разделах.

Типологические параметры аппликативной вершины и данные русского языка

Параметр	Высокий аппликатив	Низкий аппликатив
Сочетание с непереходными агентивными глаголами	Да	Нет
Отсутствие «прямых» семантических отношений с прямым дополнением (например, посесивность)	Да	Нет
Сочетание со стативами	Да	Нет
Вторичная предикация	Да	Нет

2.1. Исходные допущения

Диссертация и последовавшая за ней монография Л. Пюльккянен [Pylkkänen 2002; 2008] до сих пор считаются наиболее авторитетной формальной теорией аппликативных конструкций. Важнейшее ее преимущество в ряду формально-лингвистических теорий вообще и среди конкретных альтернативных анализов в частности – ее типологическая мотивированность. Тем не менее, именно проблематичность ее типологических обобщений на материале различных (в том числе рассмотренных автором) языков довольно широко отмечается в литературе.

Одним из важных пунктов критики можно назвать отсутствие строгой типологической параметризации языков с точки зрения типа аппликативной вершины. Так, в [Landau 1999] представлены опровергающие данные из иврита, в [Grashchenkov, Markman 2008; Пшехотская 2008], а также в настоящей статье – соответствующие данные из русского языка, в [Boneh, Nash 2010] – из французского. Во всех этих работах демонстрируется наличие обеих вершин в рамках грамматики одного языка.

Другая особенность предложенного анализа – слишком антиинтуитивное, по мнению некоторых исследователей, различие между высокой аппликативной вершиной, соотносящей индивид и событие, и низкой аппликативной вершиной, соотносящей два индивида. Альтернативные теории предполагают единообразную семантическую интерпретацию различных типов аппликативных конструкций, а все различия между ними стараются выводить из синтаксических манипуляций. К примеру, в [Boneh, Nash 2010] авторы полностью отказываются от понятия низкого аппликатива и предполагают, что «высокая» аппликативная вершина присоединяется к VP, vP или TP и позволяет, таким образом, получить три различные дативные конструкции, характерные для французского языка.

В ряде работ также обсуждаются семантические феномены, которые не были учтены в исходной версии теории Пюльккянен. Например, в работе [Bosse, Bruening 2010] обсуждаются данные албанского, немецкого языков и алгонкинского языка микмак, сопоставление которых обнаруживает семантическое различие между бенефактивным аппликативом (соответствующим «высокому» у Пюльккянен) и экспериенциальным аппликативом, который не имеет эквивалента в исходной теории.

В приведенном далее анализе будет предпринята попытка отказаться от предлагаемых Пюльккянен различий между высокими и низкими аппликативными вершинами. Будет показано, что семантико-синтаксические свойства вершины Appl в русском языке не в полной мере зависят от ее положения относительно VP. В обсуждаемом ниже подходе гораздо большее значение, чем противопоставление «высокий vs. низкий аппликатив», имеет оппозиция «приглагольный vs. приименной аппликатив», которая уже частично получила освещение в работе [Grashchenkov, Markman 2008].

2.2. Две аппликативные конструкции в русском языке

Нестандартное, с точки зрения существующей теории аппликативизации, поведение русских аппликативов (таблица 1) получает объяснение, если допустить, что в данном случае мы имеем дело с несколькими типами аппликативных конструкций. Вернемся к примерам, которые соответствуют первым двум строкам таблицы 1 – наличие посессивного отношения между прямым дополнением и аппликативом, ср. (29), и сочетаемость с непереходными агентивными глаголами, ср. (30). Аппликативный аргумент в (а)-примерах будем называть **приглагольным аппликативом**, или V-аппликативом, а аппликатив из (б)-примеров – **приименным**, или N-аппликативом.

- (29) а. Иван_i вспахал Маше (*свой_i) огород. (V-аппликатив)
б. Иван_i разлил Маше (свои_i) чернила на платье. (N-аппликатив)
(30) а. *Она смеется ему. (V-аппликатив)
б. Она смеется ему в лицо. (N-аппликатив)

Различие N- и V-аппликативов было недавно предложено П. Гращенко и В. Маркман [Grashchenkov, Markman 2008] в связи со следующими примерами⁴:

- (31) а. Дима [привел мне] лошадь. (приглагольный аппликатив)
б. Дима был [мне другом]. (приименной аппликатив)

Важнейшее допущение, принимаемое далее, состоит в том, что в отличие от (а)-примеров в (29)–(31), в (б)-примерах аппликативный аргумент образует с косвенным дополнением общую составляющую, что подтверждается, например, проявлением соответствующего «эффекта крысолова»⁵ при *wh*-передвижении:

- (32) а. [Кому на платье]_i Иван разлил чернила *t_i*? N-аппликатив
б. [Кому в лицо]_i она смеется *t_i*?
в. [Кому в комнате]_i он разбросал мусор *t_i*?
(33) а. ?? [Кому пять заданий]_i Иван выполнил *t_i*? V-аппликатив
б. ?? [Кому фаршированную горбушу]_i Борис приготовил *t_i*?

В N-аппликативах дативный аргумент исходно зависит от ИГ, обозначающей локативного участника, и определенным образом получает дательный падеж. Это и есть широко обсуждаемый в литературе подъем посессора. В V-аппликативах аппликативный аргумент образует общую составляющую с глаголом (а не с прямым дополнением, как предполагал бы анализ в духе подъема посессора). По этой причине, в частности, ожидается, что V-аппликативы будут иметь общие структурные свойства с трехместными глаголами (см. ниже).

Как демонстрирует (32в), именная группа, от которой зависит аппликатив, обязательно занимает аргументную позицию (вынесенные составляющие в (32), очевидно, адъюнкты).

Структурные различия между V-аппликативами и N-аппликативами имеют последствия и для интерпретации этих конструкций. Так, в N-аппликативах регулярным образом возникает отношение посессивности между аппликативом и локативным дополнением, что препятствует установлению посессивного отношения между аппликативным аргументом и прямым дополнением. При V-аппликативах отношение посессивности между аппликативом и прямым дополнением обусловлено экстралингвистическими факторами – ср. следующие примеры:

- (34) а. Вася перевязал Маше *свою рану.
б. Вася нарисовал Маше #свою картину / #свой портрет.

⁴ Скобки в (31) мои. – Е. П.

⁵ «Эффектом крысолова» (pied-piping effect) в синтаксисе называется наблюдаемая необходимость передвижения вершины составляющей при передвижении ее зависимого. Метафора подсказана сказкой братьев Гримм о Гаммельнском крысолове, который, уходя в реку, увел за собой из города и утопил всех крыс. Дополнительное обсуждение эффекта крысолова можно найти в [Тестелец 2001: 140].

В (34а) *рана* однозначно интерпретируется как рана, принадлежащая Маше. В (34б) прямое дополнение *картина / портрет* может интерпретироваться как нечто принадлежащее Васе как автору, а не владельцу (*свою картину*) или просто изображающее его (*свой портрет*).

Для того чтобы оставаться в пределах грамматики, образующееся пространство различных типов посессивных связей можно было бы попытаться классифицировать и обобщить в терминах глагольных лексических классов или в любых других грамматических терминах. Однако наблюдения из (35) не позволяют этого сделать.

- (35) а. Вася открыл Маше дверь.
б. Вася открыл Маше (**свой*) глаз.
в. Вася поднял Маше шлагбаум.
г. Вася поднял Маше (?*свою*) сумку.

При одном и том же глаголе *открыть* в (35а,б) прямое дополнение *глаз* в (35б) связано отношением посессивности с аппликативным участником, а в (35а) не связано ни с одним из участников. В (35в) очевидной посессивной связи между шлагбаумом и Машей не возникает, а в (35г) может возникать посессивная связь между Машей и сумкой (хотя и необязательно).

Эти наблюдения означают, что возможность установления того или иного типа посессивной связи зависит не столько от глагольной семантики, сколько от экстралингвистических знаний о мире говорящего и слушающего. Это говорящий / слушающий знает, что шлагбаум, в отличие от сумки, в ситуации поднимания, скорее всего, не принадлежит аппликативному участнику женского пола, и в случае (35в) аппликативный участник является просто бенефициантом события, обозначаемого глагольной группой, но не посессором прямого дополнения. Это носитель языка, исходя из собственных знаний о мире, делает вывод о том, что *глаз* или *ухо* – часть тела Маши в (35б) и, следовательно, принадлежит ей, а *дверь* в (35а) не является частью Маши, значит (в этом случае), и не принадлежит ей. Экстралингвистическая природа посессивности в V-аппликативах представляется очевидной.

В N-аппликативах, как указывалось выше, посессивность возникает всегда. Это наблюдение получит объяснение в следующих разделах.

В отношении двух других параметров из таблицы 1 – сочетания со стативными глаголами и с вторичной предикацией – N-аппликативы и V-аппликативы не демонстрируют различий.

- (36) а. *Иван имсет Маше много денег.
б. *Иван имсет Маше в комнате много денег.
(37) а. Мария вернула мне книгу_i испорченной_i.
б. Мария положила мне на стол книгу_i испорченной_i.

В следующих двух разделах будет предложена формализация семантико-синтаксического анализа двух аппликативных конструкций.

2.3. V-аппликативы

Структура приглагольных аппликативов, как и русская трехместная предикация в целом, до сих пор остается предметом жарких дискуссий на страницах крупнейших синтаксических журналов. Основная проблема заключается в отсутствии убедительных свидетельств в пользу того или иного структурного приоритета между аккумулятивной и дативной ИГ. Исследователи разделились на два лагеря: сторонники гипотезы ACC > DAT [Larson 1988; Baker 1988; 1997; Bailyn, Rubin 1991; Bailyn 1995a; 1995b; 2010] и сторонники DAT > ACC [Franks 1995; Junghanns, Zybatow 1997; Pereltsvaig 2001; Dyakonova 2005; 2007; Pylkkänen 2002; 2008].

Рассмотрим (38) и (39) – два альтернативных анализа глагольной группы [*послал Маше письмо*].

(38) [TP *послал*_i [VP *t*_i [VP *Маше* [v' [v *t*_i] *письмо*]]]] DAT > ACC

(39) [TP *послал*_i [VP *t*_i [VP *письмо* [v' [v *t*_i] *Маше*]]]] ACC > DAT

Оба анализа предполагают «короткое» передвижение глагольной вершины $V \rightarrow v$ [Larson 1988; Bowers 1993; Bailyn 1995b; Adger 2003] и дальнейшее движение $v \rightarrow T$. Эти передвижения обеспечивают корректное линейное положение глагола. Кроме этого, оба анализа предполагают механизмы локального А-передвижения нижнего аргумента (аккузатива или датива в зависимости от теории) для получения альтернативного порядка слов (поскольку допускаются оба логически возможных взаиморасположения DAT и ACC при нейтральном порядке слов – *послать письмо Маше* и *послать Маше письмо*):

(38') [TP *послал*_i [VP *t*_i [FP *письмо*_k [VP *Маше* [v' *t*_i *t*_k]]]]]

(39') [TP *послал*_i [VP *t*_i [FP *Маше*_k [VP *письмо* [v' *t*_i *t*_k]]]]]

Гипотеза иерархии DAT > ACC и анализ (38) восходят к работе [Franks 1995], в которой автор предполагает, что в русском языке дательный падеж внутри VP назначается конфигурационно: он попросту всегда назначается аргументу, являющемуся сестрой V'.

Далее идея (38) была развита в обсуждавшихся выше исследованиях аппликативов, в том числе [Pylkkänen 2002; 2008]. Отличия от исходной идеи Фрэнкса можно считать техническими: Пюльккянен и ее последователи считают лишь, что дативный / аппликативный аргумент проецируется отдельной функциональной вершиной Appl, которая тем не менее располагается в любом случае выше аккузативного аргумента.

В дальнейшем я буду исходить из того, что структурных различий между приглагольным аппликативом и собственно дативом нет (вопрос об обязательности этого аргумента лежит скорее в плоскости лексической семантики, нежели синтаксиса). Дискуссия о позиции русского дативного дополнения традиционно разворачивается вокруг трех групп свидетельств – связывание реципроков / кванторов, эффект превосходства, свойства сферы действия кванторов. В следующих разделах обсуждаются эти свидетельства в контексте двух конкурирующих подходов: анализа Перельцвайг–Дьяконовой [Pereltsvaig 2001; 2007; Dyakonova 2007], предполагающего приоритет DAT > ACC, и анализа Бейлина [Bailyn 1995b; 2010], предполагающего обратный порядок.

2.3.1. Свидетельства связывания

Обе гипотезы позволяют выработать непротиворечивое объяснение следующих фактов о связывании реципроков [Bailyn 2010].

(40)	а. Иван представил Петровых друг другу.	ACC-DAT
	б. Иван представил Петровым друг друга.	DAT-ACC
(41)	а. ?Иван представил друг другу Петровых .	ACC-DAT
	б. *Иван представил друг друга Петровым .	DAT-ACC

Бейлин, постулируя ACC > DAT, предполагает, что порядок аргументов в (40а) и (41б) является базовым, причем (41б) является неграмматичным, т. к. ни в какой момент синтаксической деривации условие А⁶ теории связывания не удовлетворяется (антецедент *Петровым* не имеет структурного приоритета над анафором *друг друга*). Порядок слов в (40б) возникает за счет дискурсивно обусловленного передвижения датива над аккузативом, которое и удовлетворяет условие А и, следовательно, делает (40б), в отличие от (41б), грамматичным. Наконец, (41а) – также результат передвижения датива наверх, причем в этом предложении проблем со связыванием нет, т. к. условие А удовлетворено еще до передвижения (Бейлин принимает концепцию деривационного связывания, поэтому ему достаточно удовлетворить условие А на любом этапе синтаксической деривации).

Сторонники гипотезы DAT > ACC могли бы предположить, что связывание, напротив, не является деривационным (условие А должно оставаться удовлетворенным после применения всех передвижений) и что базовым является порядок слов в (40б) и (41а). В последнем происходит при этом скрытое передвижение аккузатива над дативом, что позволяет удовлетворить условие А. Предложение (40а) является результатом точно такого же передвижения, только открытого. Наконец, запрет в (41б) объясняется нарушением условия А в результате синтаксической деривации (аккузатив передвинулся из исходной позиции наверх, и антецедент реципрока потерял над ним структурный приоритет).

Оба объяснения опираются каждое на одно неочевидное допущение. Бейлин постулирует деривационность связывания и таким образом получает в одном из случаев возможность удовлетворить условие А на промежуточном этапе синтаксической деривации. Второе объяснение (в контексте гипотезы DAT > ACC) в одном из случаев использует допущение о возможности скрытого передвижения антецедента над анафором. Пока что отчетливого перевеса в сторону одной из гипотез не наблюдается.

Однако ситуация меняется, если рассматривать более сложные структуры, в которых реципрок является частью полноценной именной группы в аргументной позиции.

- (42) а. *Иван представил друзей родителям друг друга. ACC-DAT
 б. Иван представил друзьям родителей друг друга. DAT-ACC

Сторонники гипотезы DAT > ACC могут утверждать в данном случае, что в этих предложениях отчетливо виден структурный приоритет датива над аккузативом. Бейлин в работе [Bailyn 2010] попытался опровергнуть этот аргумент, опираясь на примеры с глаголом *послать* и предполагая, что **Иван послал пациентов врачам друг друга* неграмматично не из-за нарушения анафорических связей, а из-за того, что в данном значении *послать* требует косвенного дополнения с предлогом: *Иван послал пациентов к врачам друг друга*. Это объяснение, однако, не работает для обсуждаемых данных в (42).

В дополнение к этому свидетельству А. Перельсвайг [Pereltsvaig 2007: 120] приводит данные о поведении анафорических местоимений с кванторным антецедентом, которые также позволяют заключить, что в русском языке дативный аргумент имеет структурный приоритет над аккузативным.

- (43) а. Иван представил каждому клиенту_i его_i менеджера.
 б. *Иван представил каждого менеджера_i его_i клиенту.

Убедительного объяснения этого наблюдения в рамках гипотезы ACC > DAT до сих пор не представлено.

⁶ Условие А (или «принцип А» в переводе [Тестелец 2001]) – одно из трех основополагающих утверждений теории связывания [Chomsky 1981]. Несколько огрубляя, можно сказать, что условие А состоит в том, что анафорические местоимения (рефлексивы и реципроки) должны быть связаны своим антецедентом в рамках клаузы.

2.3.2. Эффект превосходства

Перельцвайг [Pereltsvaig 2007] приводит дополнительный аргумент в пользу гипотезы DAT > ACC в русском языке – порядок выноса нескольких D-свободных (non-D-linked, [Pereltsvaig 2007: 120]) вопросительных местоимений (эффект превосходства).

- (44) а. Иван любит Машу.
б. Кто₁ кого₂ t_1 любит t_2 ?
в. # Кого₂ кто₁ t_1 любит t_2 ? (только как переспрос)
(45) а. Кому что Ваня дал?
б. ? Что кому Ваня дал?⁷

Предложения (44) иллюстрируют, что порядок местоимений при вопросительном выносе воспроизводит исходную иерархию аргументов: подлежащее бесспорно выше прямого дополнения, что отражается в порядке следования соответствующих вопросительных местоимений. Исходя из этой закономерности, в (45) можно отметить, что датив выше аккузатива.

2.3.3. Сфера действия кванторов

Бейлин [Bailyn 2010], доказывая гипотезу ACC > DAT, апеллирует к свойствам сферы действия кванторов внутри русской VP, обнаруженным С. Антонюк [Antonyuk 2006; 2009].

- (46) а. Кто-то слышал каждую шутку. $\exists > \forall, \forall > \exists$
б. [Каждую шутку]_i кто-то слышал t_i . $*\exists > \forall, \forall > \exists$
(47) а. Учитель давал [какую-то книгу] [каждому студенту]. $\exists > \forall, \forall > \exists$
б. Учитель давал [какому-то студенту] [каждую книгу]. $\exists > \forall, * \forall > \exists$

Опираясь на базовые различия между структурой без передвижения (46а) и структурой с передвижением (46б), Антонюк предполагает, что неоднозначность сферы действия кванторов при порядке ACC-DAT в (47а) свидетельствует о том, что это базовый порядок, в котором отсутствуют передвижения. В этом случае, в частности, DAT может получить сферу действия над ACC через скрытое передвижение. Напротив, однозначность сферы действия при порядке DAT-ACC в (47б) свидетельствует, что в данной структуре произошло явное передвижение датива над аккузативом и аккузатив уже не может претерпеть скрытое передвижение, т. к. позиция для подобного A-передвижения одна и она уже занята дативом.

Приведенное рассуждение выглядит убедительно до тех пор, пока в примерах используются неопределенные местоимения как аргументы, содержащие квантор существования. Стоит их заменить на стандартные кванторы, например, использовать ИГ *один* вместо *кто-то*, как исходный контраст (46) исчезает.

- (48) а. Один мальчик подошел к каждой девочке. $\exists > \forall, \forall > \exists$
б. [К каждой девочке]_i подошел один мальчик t_i . $^{ок} \exists > \forall, \forall > \exists$

Как известно, в подобных тестах использование неопределенных местоимений добавляет возмущающие факторы. Широкая сфера действия неопределенных местоимений может объясняться не только свойствами структуры, но и особенностями интерпретации этих местоимений (например, широкая сфера действия неопределенных местоимений, наблюдаемая, в частности, в (46б), может возникать за счет применения функции свободного выбора, см. [Kratzer 1998]).

⁷ Аналогично – порядок *что кому* вполне возможен при переспросе. Национальный корпус русского языка, к сожалению, не позволяет вынести суждение, основанное на убедительном объеме примеров: встречаем одно предложение с *что кому* против трех с *кому что*, включая почти идиоматизированное самостоятельное *Кому что* [*дано / предназначено / ...*].

Таким образом, обобщение Антонюк, по-видимому, можно поставить под сомнение. Тем не менее, сконструировать убедительное объяснение контраста в (47), поддерживая гипотезу $DAT > ACC$, до сих пор никому не удалось.

Итак, из трех рассмотренных выше свидетельств лишь одно (сфера действия кванторов, п. 2.3.3) интерпретируется в пользу гипотезы $ACC > DAT$, в то время как два других (связывание, эффект превосходства) скорее на стороне $DAT > ACC$. Для окончательного принятия этой гипотезы необходимо предложить интерпретацию данных о сфере действия кванторов, которые приводит Бейлин и его последователи, в рамках гипотезы $DAT > ACC$. Это тема для отдельного исследования.

2.4. N-аппликативы

Как уже указывалось выше, приименные аппликативы структурно отличаются от приглагольных, что обнаруживается рядом синтаксических тестов – как минимум, дативный аргумент образует общую составляющую с другим косвенным аргументом (локативным), которая не включает глагольную вершину (ср., например, «эффект крысолова» в (32)). Кроме того, известно, что в N-аппликативах засвидетельствовано регулярно возникающее посессивное отношение между аппликативным участником и локативным аргументом, но не между аппликативным участником и аккузативным аргументом, как это спорадически происходит в V-аппликативах.

Эти наблюдения позволяют сформулировать следующие интуитивные обобщения. Во-первых, интерпретация составляющей, объединяющей в себе датив и локатив, должна устанавливать посессивное отношение, которое в дальнейшем блокирует установление такого отношения между дативом и аккузативом. К формализации этого обобщения я вернусь ниже.

Во-вторых, случаи, в которых посессивность между дативом и аккузативом не наблюдается, возможно, объясняются наличием имплицитного локативного участника, с которым датив уже связан отношением посессивности. По всей видимости, это именно так (как минимум) для предикаций с семантикой изменения положения:

- (49) а. Иван принес книгу [Петру в школу].
б. Иван принес книгу [Петру e_{loc}].

В (49а) разновидность когнитивной сопряженности возникает между *Петром* и *школой*, но не между *Петром* и *книгой*. Ее отсутствие в (49б), вероятно, объясняется наличием имплицитного аргумента с ролью Места, субкатегоризованного глаголом *принести* и обозначающего некое ситуативно или контекстно специфицированное место, в котором находится Петр.

В-третьих, сочетание N-аппликативов как с переходными, так и с непереходными глаголами в (19) и (30) (в отличие от V-аппликативов) свидетельствует о меньших селективных ограничениях, накладываемых глаголом на N-аппликативы.

Наконец, эффект крысолова дополняется еще одним свидетельством в пользу гипотезы о существовании безглагольного комплекса датива и локатива – возможностью использовать сочинение нескольких таких комплексов:

- (50) а. Вася стряхнул пепел [Маше на платье] и [Пете на фрак].
б. Вася разлил чернила [Маше в комнате] и [Пете на кухне]⁸.

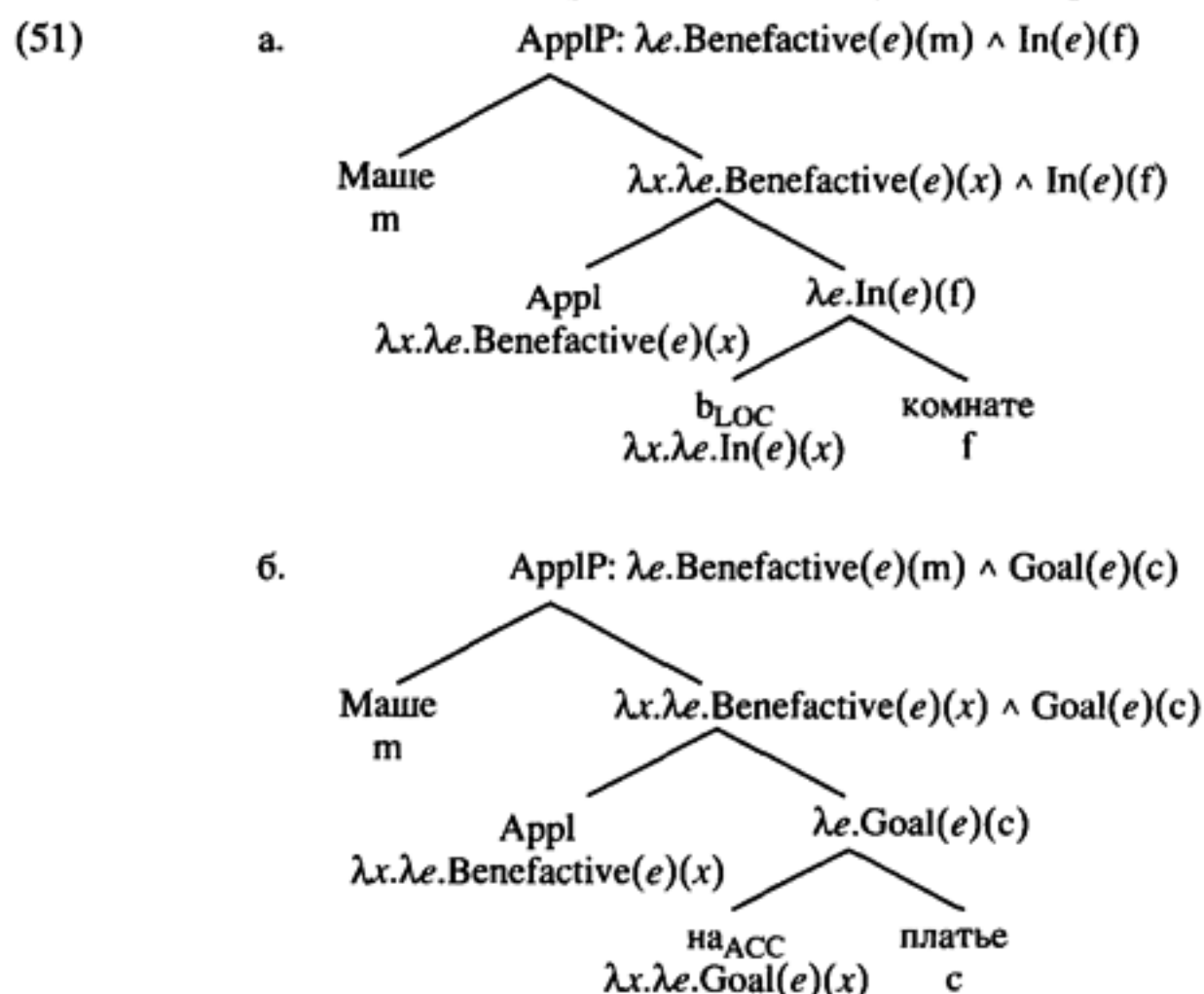
⁸ К.И. Казенин (по личному сообщению) указывает, что в данном случае речь может идти о сочинении клауз, или, как минимум, сказуемых (Вася [стряхнул пепел Маше на платье] и [стряхнул пепел Пете на фрак]). Однако это не так, поскольку при использовании квантора над сочинительной конструкцией восстановление материала, эллидированного при сочинении клауз, с полностью эквивалентной семантикой предложения невозможно:

- (i) а. Вася разлил три вида варенья Маше на платье и Васе на фрак.
б. #Вася разлил три вида варенья Маше на платье и три вида варенья Васе на фрак.

Наиболее естественно представить этот комплекс как $[_{ApplP} Appl [_{PP} P NP]]$, т. к. при альтернативной вложенности фразовых категорий аппликативный аргумент окажется ниже (следовательно, в перспективе – правее) предлога, причем сформулировать убедительные условия его передвижения вверх вряд ли возможно.

Такой синтаксический анализ позволяет объяснить, почему в этих случаях возможность присоединения аппликатива не зависит от переходности глагола. В данном случае Appl выбирает вершину P локативного предлога. Поэтому в предложениях с локативной предложной группой наличие или отсутствие *v*, а следовательно, и переходность вершинного глагола не имеет никакого значения для присоединения вершины Appl.

Исходя из такого синтаксического анализа, интерпретацию выражений *Маше в комнате* и *Маше на платье* можно представить следующим образом.

Разумеется, та же вершина Appl способна субкатегоризовать и предикативную группу, содержащую именное сказуемое, в предложениях типа *Дима был мне другом* [Grashchenkov, Markman 2008].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В этой работе были затронуты некоторые семантико-синтаксические свойства конструкций с (несубкатегоризованным) дативом. Мы начали с обсуждения теории аппликативизации Пюлькьянен и попытались применить ее обобщения для русского материала. Это оказалось нелегкой задачей: в исходном виде обобщения Пюлькьянен оказались неприменимы к русскому языку – строго говоря, русский не относится ни к языкам типа албанского (с высокой аппликативной вершиной), ни к языкам типа английского (с низкой аппликативной вершиной). Дискуссионными оказались параметр сочетаемости датива и непереходных глаголов и параметр возникновения отношения посессивности между дативом и аккузативом.

Далее, нам удалось обнаружить критическое противопоставление приглагольных и приименных аппликативов, являющихся двумя естественными классами для обобщений Пюлькьянен. Действительно, оказалось, что с семантической точки зрения при-

В (іб), в отличие от (іа), может идти речь о шести различных видах варенья, по три из которых были разлиты на платье и на фрак.

глагольные аппликативы ведут себя как конструкции с низким типом аппликативной вершины, а приименные – как конструкции с высоким типом аппликативной вершины.

Наконец, выяснилось, что аппликативная вершина далеко не всегда «связана» с глагольной вершиной. По исходной теории Пюлькьянен, Appl либо субкатегоризует ее (высокий аппликатив) или субкатегоризуется ею (низкий аппликатив). В представленном анализе предложен альтернативный взгляд: Appl либо, действительно, является частью глагольной группы (приглагольный аппликатив), либо доминирует над локативным аргументом или предикативной ИГ (приименной аппликатив). При этом точная конфигурация аргументов в первом случае – положение аппликатива и его позиционное соотношение с аккузативным аргументом – остается спорной. Существуют вполне убедительные аргументы как в пользу гипотезы DAT > ACC, так и в пользу ACC > DAT. В этой работе по качеству и количеству аргументов побеждает первая, однако интерпретация аргументов второй требует отдельного глубокого изучения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1974/1995 – Ю.Д. Апресян. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М., 1974 (2-е изд. 1995).
- Брыкина 2005 – М.М. Брыкина. Типы конструкций с внешним посессором в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды междунар. конф. «Диалог'2005». М., 2005.
- Кибрик 2000 – А.Е. Кибрик. Внешний посессор как результат расщепления валентности // Л.Л. Иомдин, Л.П. Крысин (ред.). Слово в тексте и в словаре. Сб. статей к семидесятилетию Ю.Д. Апресяна. М., 2000.
- Кибрик 2003 – А.Е. Кибрик. Константы и переменные языка. СПб., 2003.
- Кибрик и др. 2004 – А.Е. Кибрик, М.М. Брыкина, А.Н. Хитров. Опыт фронтального корпусного исследования конструкций с внутренним и внешним посессором // Доклады междунар. конф. «Диалог'2004». М., 2004.
- Кустова, Падучева 1994 – Г.И. Кустова, Е.В. Падучева. Словарь как лексическая база данных // ВЯ. 1994. № 4.
- Кустова и др. 1993 – Г.И. Кустова, Е.В. Падучева, Е.В. Рахилина и др. Словарь как лексическая база данных: об экспертной системе «Лексикограф» // Научно-техническая информация. (Сер. 2). 1993. № 11.
- Падучева, Розина 1993 – Е.В. Падучева, Р.И. Розина. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // ВЯ. 1993. № 6.
- Падучева 2002 – Е.В. Падучева. Диатеза и диатетический сдвиг // R Ling. 2002. № 26.
- Падучева 2004 – Е.В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004.
- Пшехотская 2008 – Е.А. Пшехотская. Конструкции с несубкатегоризованным дативом в русском языке. Дипломная работа, МГУ. М., 2008.
- Рахилина 1982 – Е.В. Рахилина. Отношение принадлежности и способы его выражения в русском языке (дательный посессивный) // Автоматизация обработки текста. 1982. № 2.
- Тестелец 2001 – Я.Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М., 2001.
- Antonyuk 2006 – S. Antonyuk. The scope of quantifier phrases in Russian: A QR analysis // Linguistics in the Big Apple. 2006.
- Antonyuk 2009 – S. Antonyuk. Long-distance scrambling, VP ellipsis, and scope economy in Russian // L. MacKenzie (ed.). UPenn working papers in linguistics 15.1: Proceedings of PLC 32, 1–9. 2009.
- Adger 2003 – D. Adger. Core syntax: A minimalist approach. Oxford, 2003.
- Bailyn, Rubin 1991 – J.F. Bailyn, E. Rubin. The unification of instrumental case assignment in Russian // Cornell working papers in linguistics. 1991. № 9.
- Bailyn 1995a – J.F. Bailyn. A configurational approach to Russian «free» word order. PhD diss. Ithaca (NY), 1995.
- Bailyn 1995b – J.F. Bailyn. Configurational case assignment in Russian syntax // The linguistic review. 1995. № 12.
- Bailyn 2010 – J.F. Bailyn. What's inside VP? New (and old) evidence from Russian // Formal approaches to Slavic linguistics. 2010. № 18.
- Baker 1988 – M. Baker. Incorporation: A theory of grammatical function changing. Chicago, 1988.

- Baker 1997 – *M. Baker*. Thematic roles and syntactic structure // L. Haegeman (ed.). *Elements of grammar*. Dordrecht; Boston; London, 1997.
- Boneh, Nash 2010 – *N. Boneh, L. Nash*. High, higher and highest applicatives: the case of French non-core datives. Talk given at the 28th West Coast conference on formal linguistics. University of South California. 2010. http://parles.upf.es/glif/pub/cgg20/abstracts/Boneh_Nash.pdf
- Bosse, Bruening 2010 – *S. Bosse, B. Bruening*. Benefactive versus experiencer datives. Talk given at the 28th West Coast conference on formal linguistics. University of South California. 2010. <http://udel.edu/~solveig/Publications/BenefactivesWCCFL2010.pdf>
- Bowers 1993 – *J.S. Bowers*. The syntax of predication // *LIn*. 1993. № 24.
- Bresnan, Moshi 1993 – *J. Bresnan, L. Moshi*. Object asymmetries in comparative Bantu syntax // S.A. Mchombo (ed.). *Theoretical aspects of Bantu grammar*. Stanford. 1993. № 1.
- Castañeda 1967 – *H.-N. Castañeda*. Comments on Donald Davidson's 'The logical form of action sentences' // N. Rescher (ed.). *The logic of decision and action*. Pittsburgh, 1967.
- Chomsky 1981 – *N. Chomsky*. Lectures on government and binding: The Pisa lectures. Berlin, 1981.
- Davidson 1967 – *D. Davidson*. The logical form of action sentences // N. Rescher (ed.). *The logic of decision and action*. Pittsburgh, 1967.
- Dyakonova 2005 – *M. Dyakonova*. Russian double object constructions // *ACLC working papers*. 2005. 2/1.
- Dyakonova 2007 – *M. Dyakonova*. A phase based approach to Russian free word order. PhD diss. Amsterdam, 2007.
- Embick 2004 – *D. Embick*. On the structure of resultative participles in English // *LIn*. 2004. № 35.
- Franks 1995 – *S. Franks*. Parameters of Slavic morphosyntax. Oxford, 1995.
- Georgala et al. 2008 – *E. Georgala, P. Waltraud, J. Whitman*. Expletive and thematic applicatives // C.B. Chang, H.J. Haynie (eds.). *Proceedings of the 26th West Coast conference on formal linguistics*. Somerville (MA), 2008.
- Guéron 1985 – *J. Guéron*. Inalienable possession. PRO-inclusion and lexical chains // H.G. Obehauer, J.-Y. Pollock, J. Guéron (eds.). *Grammatical representations*. Cambridge (MA), 1985.
- Grashchenkov, Markman 2008 – *P. Grashchenkov, V.G. Markman*. Non-core arguments in verbal and nominal predication: high and low applicatives and possessor raising // N. Abner, J. Bishop (eds.). *Proceedings of the 27th West Coast conference on formal linguistics*. Somerville (MA), 2008.
- Grimshaw 1990 – *J. Grimshaw*. Argument structure. Cambridge (MA), 1990.
- Grimshaw 1993 – *J. Grimshaw*. Semantic structure and semantic content in lexical representation. Manuscript. 1993.
- Harley 2000 – *H. Harley*. Possession and the double object construction. Manuscript. University of Arizona. 2000.
- Hoekstra 1988 – *T. Hoekstra*. Small clause results // *Lingua*. 1988. № 74.
- Jackendoff 1990 – *R.S. Jackendoff*. Semantic structures. Cambridge (MA), 1990.
- Junghanns, Zybatow 1997 – *U. Junghanns, G. Zybatow*. Syntax and information structure of Russian clauses // *FASL*. 6. 1997.
- Kratzer 1996 – *A. Kratzer*. Severing the external argument from its verb // J. Rooyck, L. Zaring (eds.). *Phrase structure and the lexicon*. Dordrecht, 1996.
- Kratzer 1998 – *A. Kratzer*. Scope or pseudoscope? Are there wide-scope indefinites? // S. Rothstein (ed.). *Events and grammar*. Dordrecht, 1998.
- Kratzer 2005 – *A. Kratzer*. Building resultatives // C. Maienborn, A. Wöllstein-Leisten (eds.). *Events in syntax, semantics, and discourse*. Tübingen, 2005.
- Landau 1999 – *I. Landau*. Possessor raising and the structure of VP // *Lingua*. 1999. № 107.
- Larson 1988 – *R. Larson*. On the double object construction // *LIn*. 1988. № 19.
- Levin 1993 – *B. Levin*. English verb classes and alternations. Chicago, 1993.
- Levin, Rappaport Hovav 1998 – *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Building verb meaning // M. Butt, W. Geuder (eds.). *The projection of arguments: Lexical and syntactic constraints*. Stanford, 1998.
- Levin, Rappaport Hovav 2003 – *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Root and template in the representation of verb meaning. Manuscript, Stanford University. 2003.
- Levin, Rappaport Hovav 2005 – *B. Levin, M. Rappaport Hovav*. Argument realization (Research surveys in Linguistics series). Cambridge, 2005.
- Marantz 1989 – *A. Marantz*. Projection vs. percolation in the syntax of synthetic compounds // R. Davis (ed.). *Selected papers from the Annual Spring colloquium*. Chapel Hill, 1989.
- Marantz 1993 – *A. Marantz*. Implications of asymmetries in double object constructions // S.A. Mchombo (ed.). *Theoretical aspects of Bantu grammar*. V. 1. Stanford, 1993.
- Montague 1970 – *R. Montague*. Universal grammar // *Theoria*. 1970. № 36.

- Montague 1973 – *R. Montague*. The proper treatment of quantification in ordinary English // K.J.J. Hintikka, J.M.E. Moravcsik, P. Suppes (eds.). *Approaches to natural language*. Dordrecht, 1973.
- Parsons 1990 – *T. Parsons*. *Events in the semantics of English: A study in subatomic semantics*. Cambridge (MA), 1990.
- Partee 1976 – *B.H. Partee*. *Montague grammar*. New York, 1976.
- Pereltsvaig 2001 – *A. Pereltsvaig*. On the nature of intra-clausal relations. PhD diss. Montreal, 2001.
- Pereltsvaig 2007 – *A. Pereltsvaig*. *Copular sentences in Russian*. Dordrecht, 2007.
- Pylkkänen 2000 – *L. Pylkkänen*. *Deriving adversity* // R. Billerey, B.D. Lillehaugen (eds.). *WCCFL 19 Proceedings*. Somerville (MA), 2000.
- Pylkkänen 2002 – *L. Pylkkänen*. *Introducing arguments*. PhD diss. Cambridge (MA), 2002.
- Pylkkänen 2008 – *L. Pylkkänen*. *Introducing arguments*. Cambridge (MA), 2008.
- Ramchand 2003 – *G.B. Ramchand*. *First phase syntax*. Manuscript, University of Oxford. 2003.
- Ramchand 2008 – *G.B. Ramchand*. *Verb meaning and the lexicon: A first phase syntax*. Cambridge, 2008.

Сведения об авторе:

Екатерина Александровна Пшихотская
kpshehotskaya@mail.ru